

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Славная деятельность советской разведки, направленная к разоблачению и выкорчевыванию всех врагов народа — шпионов, вредителей и диверсантов — глубоко интересна и волнует нашу детвору. Советский народ и его дети — пламенные патриоты своей родины — помогают советской разведке в ее трудной борьбе с врагами.

В настоящем сборнике собран ряд рассказов о коварных методах агентов фашистских разведок, засылаемых в нашу страну капиталистическими государствами. В рассказах показана та огромная работа, которую ведут славные наркомвнудельцы, руководимые сталинским наркомом тов. Н. И. Ежовым, а также та любовь, которой окружает советский народ свою славную советскую разведку.

Эти рассказы, написанные на живом, фактическом материале, могут послужить хорошим пособием для бесед в пионерском отряде.

ПАУТИНА

Старший инженер отдела технического контроля одного из спецзаводов, Виктор Александрович Игнатюк, праздновал день рождения своей дочери Галочки.

Шестилетняя Галочка, взобравшись на колени отца, торжественно заявила присутствующим, что сегодня она вырастет на целый год и что ночью спать не будет, потому что хочет видеть, как будет расти.

Было шумно и весело. Неожиданно в передней прозвучал звонок.

— Кто это может быть?— недоуменно сказала жена Игнатюка, поднимаясь и идя в коридор. Гостей они больше не ждали.

Вскоре она вернулась. Вид у нее был встревоженный.

— Витя,— тихо обратилась она к мужу,— тебя какая-то женщина спрашивает. Узнала, что у нас гости, отказалась зайти. Просила передать, что у нее срочное дело и что придет завтра, в восемь часов вечера. Просила,

чтобы ты ее ждал. Кто это, Витя?—спросила она мужа.

Игнатюк пожал плечами:

— Понятия не имею. Может быть, она ошиблась адресом? Ты узнала точно, ко мне ли она?

Жена кивнула головой.

— Да, адрес у нее наш, фамилию твою она назвала правильно.

Заниматься догадками было некогда. Гости вставали из-за стола, просили музыку.

Следующий день был обычным трудовым днем. Рано утром, поцеловав спящую Галочку, Игнатюки ушли вместе на работу.

Только в обеденный перерыв жена вспомнила о вчерашней посетительнице.

Зайдя после работы к мужу в отдел, она напомнила ему о «гостье», предупредила, что ее самой дома не будет, так как вечером она занимается на курсах.

Наступил вечер. Игнатюк сидел дома, читал и нервничал, ожидая странную посетительницу.

В соседней комнате возилась работница с дочерью.

Ровно в восемь часов прозвучал звонок. Игнатюк открыл дверь. Перед ним стояла высокая худая женщина, хорошо одетая, в шляпке с вуалью.

— Товарища Игнатюка можно видеть?

— Я Игнатюк,— сухо произнес инженер, стоя в дверях.

— Можно пройти к вам? Я вас не задержу,— чуть насмешливо сказала она.

Игнатюк вместе с гостьей прошел в комнату.

— Я от вашего брата,— тихо сказала женщина, подняв вуаль и показывая уже немолдое, с резкими правильными чертами лица. — Я от вашего брата — Дмитрия Александровича,— повторила она еще раз.

— От Мити?! Не может быть?.. Разве он жив?! — растерянно произнес Игнатюк.

— Жив и здоров,— улыбнулась посетительница.

— Но почему он так долго молчал? Бедь шестнадцать лет никаких вестей. Как ушел на фронт, так и пропал. Мы все были уверены, что он погиб.

— Вы разрешите мне сесть? — уже настойчиво сказала посетительница. — История вашего брата коротка, я не задержу вас...

— Что вы, пожалуйста, я очень рад,— суетливо произнес Игнатюк, подвигая стул.

— Прежде всего давайте знакомиться. Вас я уже знаю. Моя фамилия Витковская. Я сестра жены вашего брата, или, как называют у вас, свояченица Дмитрия Александровича.

— Вы правы,—продолжала она.—В 1920 году Дмитрий был почти мертв. Он получил тяжелое ранение под Сосновицами и был взят в плен. Пролежав около двух месяцев в больнице, Дмитрий в числе других военнопленных оказался в концентрационном лагере. Ваш брат, выгодно отличавшийся своей грамотностью и интеллигентностью от большинства пленных, пользовался особыми симпатиями со стороны начальства, в частности хорунжего Витковского. Через несколько месяцев пребывания в лагере Витковский предложил ему работать у себя в имении. Дмитрий Александрович принял это предложение. Так началась его новая жизнь. Здесь он познакомился с Ядвигой Витковской, впоследствии ставшей его женой. В 1924 году ваш брат переменял подданство, а с 1929 года перешел на государственную службу. Сейчас Дмитрий на очень большой работе в тайной полиции...

Последние слова были произнесены очень тихо. Витковская не спускала пристального, колючего взгляда с Игнатюка.

— Теперь вы понимаете, почему он не писал так долго. Послать письмо почтой или даже через недостаточно близкого человека — это значило поставить под угрозу вас, вашу семью. Связь с братом — иностранным

подданным, крупным чиновником полиции — ведь это не вполне удобное родство для вас, советского инженера... Не правда ли?

Игнатюк сидел ошеломленный. «Брат, отказавшийся от советского гражданства! Полицейский чиновник! Какой ужас!.. Но эта женщина, почему она здесь, с какой целью?»

— Я буду с вами откровенна, — продолжала Витковская, как бы угадывая его мысли. — В ближайшие дни я уезжаю. Отвезу ваш привет Дмитрию, даже письмо, и пусть это будет общей семейной тайной, связывающей нас за сотни километров друг от друга.

Последние слова Витковская произнесла с улыбкой, вставая и прощаясь с Игнатюком.

Уже у самых дверей Витковская вскользь заметила, что Дмитрий был бы очень рад получить от брата если не письмо, то хотя бы карточку с надписью.

Игнатюк вернулся в комнату, взял карточку, приготовленную им для пропуска на завод, черкнул несколько слов и передал Витковской.

Дверь захлопнулась, он остался один.

«Нужно рассказать жене, завтра сообщить начальнику завода», мелькнула мысль. Он отогнал ее.

«Зачем? Ведь никто не знает. Из того в

год во всех анкетах, автобиографиях он писал, что брат убит во время гражданской войны. Неизвестно еще, как теперь отнесутся к его заявлению. Подумают, что скрывал. Нет, нет, молчать и только молчать...»

Потекли дни. В водовороте дел, новых встреч и событий Игнатюк стал забывать это странное, неприятное для него свидание.

Прошло полмесяца. Ему принесли и лично передали письмо. Игнатюка просили зайти, называли адрес, писали, что есть новости от Димы.

Игнатюк пошел. И здесь встретившие его Витковская и неизвестный мужчина прямо сказали, что они находятся в СССР и работают по заданию его брата.

— Вы должны нам немного помочь, — заявила Витковская и перечислила ряд вопросов о заводе, которые интересовали шпионов. — И не думайте отказываться, — продолжала она. — Связь с братом, скрытая вами, ваша карточка, наконец, сегодняшнее свидание — все это само по себе достаточно убедительно... Но не будем ссориться, лучше останемся хорошими, добрыми родственниками, — закончила Витковская.

И... Игнатюк согласился. Он стал другом и пособником шпионов, врагов государства.

Малодушие, трусость не позволяли ему

встать на единственно правильный путь чисто-сердечного и полного признания.

Не имея достаточно мужества и честности, чтобы разорвать паутину, сплетенную вокруг него, он запутывался в ней все больше и больше, стал предателем и врагом родины.

Так продолжалось несколько месяцев. Встречи стали регулярными. Задания, даваемые Игнатиюку, делались все более ответственными и серьезными. У изолгавшегося до конца, жившего все эти дни двойной жизнью Игнатиюка все чаще мелькала мысль о самоубийстве, но он продолжал делать свое темное, страшное дело предателя, шпиона.

Вскоре Игнатиюк был арестован.

В ходе следствия было установлено, что брат Игнатиюка действительно был убит во время гражданской войны в 1920 году.

СОРВАННАЯ ИГРА

Горнецкий был немолодым членом партии. За плечами у него значительный революционный путь, годы гражданской войны, несколько ранений в боях с интервентами в 1918—1919 годах.

В 1936 году Горнецкий работал начальником одного из отделов треста, имеющего крупное оборонное значение.

За последнее время у Горнецкого появилась слабость. Он стал сильно выпивать. В кругу приятелей он часто говорил о «небольшом и заслуженном отдыхе после большой и трудной жизни».

Стал завсегдатаем ресторанов. В компании двух-трех собутыльников, обычно сослуживцев, он коротал свои досуги за бутылкой вина.

Работал Горнецкий упорно и много, но все же выпадали такие «боевые» дни, когда со всеми делами справиться не удавалось. И тогда, вопреки общему запрещению по тресту,